

МЫСЛИМ ЗАПРЕТАМИ: ЭТНОЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ СИНТЕЗ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Юсупова Шохсанам Мирзали кизи

Преподаватель кафедры русского языка и литературы. Денауский институт
предпринимательства и педагогики
0009-0009-9137-4537

АННОТАЦИЯ

Этнолингвокогнитивный подход к изучению языка позволяет рассматривать лексику как результат синтеза когнитивных процессов и культурных практик. В этом контексте табуированная лексика занимает особое место, поскольку она фиксирует границы дозволенного и запрещённого, отражая национальные картины мира. Данный тезис посвящён исследованию табу как сложного феномена, соединяющего лингвистические, когнитивные и культурные аспекты, а также анализу сравнительного подхода (компаративистики) к этому явлению. Табу рассматривается не только как система запретов на определённые слова, но и как когнитивный механизм структурирования мышления и культурного опыта. Запретные слова и их эвфемистические замены демонстрируют, каким образом общество формирует концепты сакрального, опасного или социально недопустимого. Этнолингвокогнитивный синтез позволяет показать, что табуированная лексика это не просто языковой пласт, а способ мышления, в котором запрет становится элементом когнитивной модели.

Ключевые слова: Этнолингвокогнитология; табуированная лексика; компаративистика; эвфемизмы; культурные коды; когнитивная антропология; сравнительный анализ; национальная идентичность.

ABSTRACT

The ethnolinguacognitive approach to language study allows us to consider vocabulary as a result of the synthesis of cognitive processes and cultural practices. In this context, taboo vocabulary occupies a special place, since it fixes the boundaries of what is permitted and what is forbidden, reflecting national pictures of the world. This thesis is devoted to the study of taboo as a complex phenomenon that combines linguistic, cognitive and cultural aspects, as well as to the analysis of the comparative approach (comparativistics) to this phenomenon. Taboo is considered not only as a system of prohibitions on certain words, but also as a cognitive mechanism for structuring thinking and cultural experience. Forbidden words and their euphemistic replacements

demonstrate how society forms concepts of the sacred, dangerous or socially unacceptable. Ethnolinguacognitive synthesis allows us to show that taboo vocabulary is not just a linguistic layer, but a way of thinking in which the prohibition becomes an element of the cognitive model.

Keywords: Ethnolinguocognitology; taboo vocabulary; cognitive models; comparative studies; cultural codes; cognitive anthropology; comparative analysis; national identity.

Введение. Современная лингвистика всё чаще обращается к вопросам взаимодействия языка, мышления и культуры. Одним из наиболее продуктивных направлений этого взаимодействия является этнолингвокогнитология, изучающая, каким образом языковые структуры формируют и отражают когнитивные процессы. Особый интерес в этом контексте представляет табуированная лексика, поскольку она демонстрирует синтез когнитивных и культурных факторов, определяющих речевое поведение носителей языка.

Табу в языке это не только система запретов, но и инструмент организации мышления. Через табу общество фиксирует границы дозволенного, устанавливает ценностные ориентиры и формирует символические модели восприятия мира. Таким образом, запрет выступает не как внешнее ограничение, а как внутренняя когнитивная структура, встроенная в систему понятий. Актуальность обращения к табуированной лексике в компаративистике определяется несколькими причинами. Во-первых, она позволяет выявить универсальные механизмы функционирования языка в культуре. Во-вторых, сравнительный анализ обнаруживает специфику отдельных этнокультурных сообществ, в которых табу отражает уникальные традиции и ментальные установки. В-третьих, исследование табуированной лексики способствует развитию межкультурной коммуникации, так как понимание скрытых культурных кодов помогает избегать конфликтов и недопониманий. В русской традиции табу особенно проявляется в сфере сакрального и телесного: бранная речь, упоминания смерти и нечистой силы регулируются культурными запретами. В узбекской традиции акцент сделан на религиозных предписаниях, уважении к старшим, сохранении чести и достоинства семьи. «В каждой культуре существуют определённые темы и выражения, которые считаются неприемлемыми для открытого обсуждения. Эти табуированные слова отражают менталитет народа, его традиции, обычаи и мировосприятие. В русском и узбекском языках такие слова играют важную роль в формировании речевого поведения, а их использование часто связано с определёнными когнитивными

моделями.»[8, с.208]. Сопоставительный анализ этих культур показывает, что несмотря на универсальность табу как механизма, конкретные формы его проявления зависят от исторического и культурного контекста.

Основная часть. Этнолингвокогнитивный синтез табуированной лексики можно рассматривать в нескольких направлениях.

Лингвистический уровень. Табуированные слова представляют собой особый пласт лексики, который либо полностью изымается из речевого обихода, либо заменяется эвфемизмами. В русском языке мы наблюдаем целые ряды замен, касающихся физиологии, интимных отношений и сакральных персонажей. В узбекской культуре широко распространены косвенные номинации для обозначения родственников, проявления чувств и даже бытовых реалий.

Когнитивный уровень. Запрет фиксируется в сознании как когнитивная схема: «нельзя говорить» = «нельзя думать вслух». Таким образом, табу влияет не только на речевую практику, но и на формы мышления. Например, в русской культуре устойчивым стало избегание прямого упоминания смерти (выражения «ушёл из жизни», «покинул нас»), что отражает особую когнитивную модель восприятия конечности бытия. В узбекской культуре аналогичное явление наблюдается в отношении религиозных тем, где прямые номинации заменяются почтительными формулами.

Культурный уровень. Табу это инструмент сохранения ценностей. Русская культура через запреты регулирует отношение к сакральному и телесному, а узбекская к социальным и религиозным сферам. При этом и в той, и в другой культуре табу формирует «зоны молчания», которые поддерживают моральный порядок и коллективную идентичность.

Компаративистский уровень. Сравнение русской и узбекской традиций позволяет выделить универсалии (наличие табу в сакральной и интимной сферах) и различия (сильная этикетная функция в узбекском языке и более «бранная» специфика в русском). Этот анализ демонстрирует, что этнолингвокогнитивный синтез невозможен без учета национально-культурной специфики. Таким образом, табуированная лексика выступает в качестве ключевого элемента этнолингвокогнитивного синтеза, соединяющего язык, мышление и культуру.

Заключение. Исследование табуированной лексики с позиции этнолингвокогнитивного синтеза позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, табу представляет собой не только ограничение в языке, но и когнитивный инструмент, организующий мышление. Во-вторых, в каждой культуре существуют свои приоритетные сферы табу, которые отражают систему

ценностей и национальную идентичность. Русская культура демонстрирует ориентацию на запреты, связанные с сакральным и телесным, в то время как узбекская культура концентрируется на социальных и религиозных регулятивах. Эти различия объясняются историческими, религиозными и социокультурными факторами. Компаративистика в данном случае выполняет важную функцию: она позволяет выявить универсальные механизмы табу и уникальные проявления, что способствует лучшему пониманию диалога культур. Этнолингвокогнитивный синтез даёт возможность рассматривать табу как культурно-когнитивный феномен, объединяющий язык и мышление в единую систему.

Таким образом, мыслить запретами - значит не только ограничивать речь, но и формировать культурное мировоззрение. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением трансформации табуированной лексики в эпоху глобализации, где пересечение культур приводит к пересмотру традиционных запретов и возникновению новых эвфемистических моделей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Будагов Р. А. Сравнительная типология русского и тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 312 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
4. Умаров Ш. Т. Культура речи и этикет в узбекском языке. – Ташкент: Фан, 2010. – 192 с.
5. Тарланов З. К. Этнокультурные коды в языке: теория и практика. – СПб.: СПбГУ, 2015. – 267 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Сайфуллаева Р. Х. Узбекская лингвокультура: традиции и современность. – Ташкент: Университет, 2018. – 220 с.
8. **Юсупова Ш. М.** Этнолингвистические особенности передачи табуированно - языкового феномена в русском и узбекском языках // *in Library*. — 2025. — Т. 1, № 2. — С. 208–212. — URL: <https://inlibrary.uz/index.php/archive/article/view/126657> (дата обращения: 29.08.2025).